

Ричард Баэр

ТУСТЕП НА ФОНЕ ЧЕМОДАНОВ

Лирическая комедия

Перевод с английского и сценическая редакция

Сергея Таска

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

(в порядке появления)

РАЛЬФ

ЧАК

КРИСТИНА МИЛЬМАН

ГЕРМАН ЛЬЮИС

АКТ ПЕРВЫЙ

Сцена первая

Февральский день. Со вкусом обставленная квартира Кристины в Манхэттене. После паузы из спальни (за сценой) в гостиную входят двое рабочих в комбинезонах с логотипом транспортной компании "Ваш дом". В руках пустые коробки и упаковочная бумага. Ральфу за 50, Чаку не многим больше 20.

РАЛЬФ. Хрупкие вещи я беру на себя. Твое дело – книги и музыка.

Подходят к стеллажам. Аккуратно поставив пустую тару, Ральф сноровисто заворачивает в бумагу разные безделушки и укладывает их в коробку. Его напарник, бросив коробки на пол, перебирает компакт-диски.

ЧАК. Да, в музыке эта, «как там ее», не сечет фишку.

РАЛЬФ. Ее зовут не «эта, как там ее», а миссис Мильман. Сколько раз тебе говорить: имя клиента надо помнить, как свое собственное.

ЧАК. Ты так и не объяснил – зачем. Выгрузили вещи, сделали ей ручкой и забыли. *(Швыряет компакт в коробку.)*

РАЛЬФ *(обернулся на звук)*. Чак. С лю-бовь-ю. *(Чак целует диски и по одному укладывает в коробку.)* Молодец. Можно без поцелуя и по несколько штук зараз.

ЧАК *(взяв несколько компакт)*. Ральф, ты только послушай. *(Презрительно читает названия.)* «Шухерезада». «Чьё-Чьё-Сан»...

Из кухни (за сценой) в гостиную входит Кристина Мильман, 61, роскошная женщина, при этом с головой на плечах и без претензий. В связи со сборами одета очень просто, но со вкусом. Она появляется на следующей реплике Чака.
«Тустеп и всякое “старье”».

КРИСТИНА. Оставьте это, Чак. Я еще послушаю.

ЧАК. Сейчас?

КРИСТИНА. Когда мы закончим. Если мы вообще когда-нибудь закончим. *(Чак кладет компакт обратно на полку, и в это время раздаётся зуммер домофона. Кристина*

го-ворит с консьержем.) Да? Вы шутите. Ну что ж, пусть поднимается. (Рабочим.) Ко мне гость. Надо ж так некстати. Мальчики, вы пока займитесь кухней, а я постараюсь поскорей от него избавиться.

Рабочие уходят. Кристина смотрит на вазочку с трюфелями. Отправляет в рот одну... вторую... третью. Звонит дверной колокольчик. Заметив на диване образчики ковров, она быстро прячет их под подушкой. Повторный звонок. Она впускает Германа Льюиса, 65, в пальто, шапке из искусственного меха, кашне, перчатках, деловом костюме и галошах. Этот человек, который всего добился сам, при своем цепком уме и удивительной прямолинейности, может «достать» кого угодно, но может и очаровать.

Привет, Герман. Какой сюрприз.

ГЕРМАН. Где ты была?

КРИСТИНА. Когда?

ГЕРМАН. Сегодня, в три часа.

КРИСТИНА. Сегодня, в три часа, я была на кухне. Упаковывала посуду.

ГЕРМАН. Ты должна была быть на Лонг-Айленде, на могиле своего мужа.

КРИСТИНА. Почему?

ГЕРМАН. Чтобы отдать дань его памяти.

КРИСТИНА. Я сделала это вчера.

ГЕРМАН. Почему вчера?

КРИСТИНА. Потому что вчера была первая годовщина его смерти.

ГЕРМАН. Ошибаешься. Сегодня.

КРИСТИНА. Вчера.

ГЕРМАН. В воскресенье мы говорили по телефону, и ты сама предложила, чтобы мы встретились на кладбище в три часа дня, в четверг.

КРИСТИНА. В три часа дня, правильно, только в среду.

ГЕРМАН. Ты сказала – в четверг. У меня все записано в еженедельнике.

КРИСТИНА. Мне все равно, где это у тебя записано. Я сказала – среда.

ГЕРМАН. Ты сказала – четверг. Сегодня. Я прокатился на такси за пятьдесят шесть долларов ради сомнительного удовольствия стоять у могилы в метель, да еще в полном одиночестве.

КРИСТИНА. Герман, я сказала ясно и четко: среда, четвертое февраля.

ГЕРМАН. Ага! Сама себя поймала. Айзек умер пятого.

КРИСТИНА. Ошибаешься. Айзек умер четвертого.

ГЕРМАН. Я не помню, когда умер мой лучший друг?

КРИСТИНА. Я не помню, когда умер мой муж?

ГЕРМАН. Да. Загляни в свидетельство о смерти. Я подожду. *(Он проходит в гостиную и садится на диван.)*

КРИСТИНА. Если ты мне не веришь, спроси у моих дочерей, которые со своими мужьями были со мной кладбище вчера, четвертого февраля.

ГЕРМАН. Сколько вы заплатили за такси?

КРИСТИНА. Ларри дал свой «кадиллак», чтобы хватило места для всех. Мы тебя ждали. Когда я позвонила твоей секретарше, мне было сказано, что ты отправился воевать со своим бухгалтером.

ГЕРМАН. Ему ты, конечно, не позвонила.

КРИСТИНА. Нет. Мне стало горько, что война с бухгалтером для тебя важнее, чем память о твоём друге. *(Подходит к стеллажу.)* Герман, с твоего позволения я продолжу. *(Укладывает книги в коробку.)*

ГЕРМАН *(обмахивает лицо)*. Почему у тебя так жарко?

КРИСТИНА. Я могу включить кондиционер, но проще снять пальто.

ГЕРМАН. А? Я и забыл. *(Встает, снимает верхнюю одежду.)* Кристина, если на то пошло, мне тоже горько, что ты могла так обо мне подумать. Я был на его могиле точно в назначенное время, только на день позже. *(Снова садится, снимает галоши.)* Ты даже не поинтересовалась, почему меня вчера не было. А вдруг я ушел следом за твоим мужем?

КРИСТИНА. Я поинтересовалась. Твой телефон был занят.

ГЕРМАН. И что? «Скорая» договаривалась с моргом.

КРИСТИНА. Два часа?

ГЕРМАН. А, это я ругался с бухгалтером. Надо было сказать телефонистке, что у тебя неотложное дело.

КРИСТИНА. Вы так увлеченно разговаривали. Не хотелось мешать двум покойникам.

ГЕРМАН. Когда тебе надоест вставлять шпильки, скажи мне. Я ведь пришел не за этим.

КРИСТИНА. А зачем ты пришел?

ГЕРМАН. Чтобы тебя подбодрить. Чтобы отвлечь тебя от грустных мыслей.

КРИСТИНА. Ты настоящий друг.

ГЕРМАН. Особенно в такую ужасную погоду.

КРИСТИНА. Но подбадривать меня не надо. Как видишь, депрессии у меня нет.

ГЕРМАН. Ты не скучаешь по нему?

КРИСТИНА. Странный вопрос. Вчера на меня накатила тоска. В ресторане мы пили за него, вспоминали все хорошее, говорили, как нам всем его не хватает. Но жизнь продолжается, и сегодня тоска отступила.

ГЕРМАН. Совсем?

КРИСТИНА. Нет, конечно. Разве можно до конца смириться с уходом близкого человека. Три года назад ты потерял Мириам, разве ты окончательно смирился с тем, что ее больше нет?

ГЕРМАН. Я пытаюсь. *(Пауза.)* В каком вы были ресторане?

КРИСТИНА. На Второй авеню. «Альберто»... «Умберто»... что-то в этом роде.

ГЕРМАН. Кто оплатил счет?

КРИСТИНА. Пол и Ларри, пополам.

ГЕРМАН. Если бы я там был, я бы взял расходы на себя.

КРИСТИНА. Если бы ты был вчера на кладбище, ты был бы с нами вечером в ресторане. *(После паузы, грустно.)* Сказать тебе, чего бы я хотела?

ГЕРМАН. Чтобы я послал чек Полу и Ларри?

КРИСТИНА. Чтобы в этот день там, наверху, Айзек и Мириам сидели за одним столом.

ГЕРМАН. Надеюсь, ему не пришлось отведать ее стряпни.

КРИСТИНА. Герман! При всем моем к тебе уважении это уже слишком.

ГЕРМАН. Я сказал правду. У моей жены было много достоинств, но двух вещей она не умела – прыгать с парашютом и готовить.

КРИСТИНА. По-моему, она прекрасно готовила.

ГЕРМАН. Да? Тогда назови мне **одно** ее блюдо, которое ты находила съедобным.

КРИСТИНА *(подумав)*. Она делала интересную мясную запеканку.

ГЕРМАН. Мы обсуждаем «съедобные блюда», а не «интересные блюда».

КРИСТИНА. Тогда закроем эту тему. Оставим Мириам и ее стряпню в покое.

ГЕРМАН. Хорошо. Оставили.

КРИСТИНА. Спасибо.

ГЕРМАН. Просто я сомневаюсь, что «там» *(показал наверх)* устраивают застолья. И что это «там» вообще существует. Ты, видимо, спутала меня с кем-то из этих ревностных католиков.

КРИСТИНА. Оставь свои гнусные намеки. Я говорила тебе семьсот пятьдесят девять раз: я перестала быть ревностной католичкой с тех пор, как вышла замуж за еврея. *(устало)*. Герман, иди домой. С тобой всегда приятно поболтать, но сей-час у меня дел невпроворот.

ГЕРМАН. Ты даже не предложишь мне стакан воды?

КРИСТИНА *(подчеркнуто вежливо)*. Герман, ты не откажешься от стакана воды?

ГЕРМАН. Не откажусь. *(Кристина направляется в кухню.)* Но лучше Diet Pepsi.

Кристина резко меняет курс, достает из холодильника бутылку, открывает.

КРИСТИНА. Тебе со льдом?

ГЕРМАН. Сколько она стояла в холодильнике?

КРИСТИНА. Неделю, две... я не засекала.

ГЕРМАН. Если держать слишком долго, газ выходит.

КРИСТИНА *(наливает в стакан)*. Видишь, не вышел.

ГЕРМАН. Тогда зачем разбавлять? *(Она приносит ему стакан.)* Спасибо.

КРИСТИНА. На здоровье. *(Он ставит стакан на столик.)* Ты расхотел пить?

ГЕРМАН. Пускай «подышит». *(Кристина пакует книги.)* Ну, ты рада?

КРИСТИНА. Ты о чем?

ГЕРМАН. Что переезжаешь во Флориду. Что будешь жить в кондоминиуме бок о бок с неподражаемой Беверли Зигель.

КРИСТИНА. Мы обе рады. Я – без мужа, она – без мужа. *(Подняла глаза на Германа.)* Ты можешь сделать мне одолжение?

ГЕРМАН. Да?

КРИСТИНА. Пей свою воду. Если она выдохнется, я себе этого не прощу.

ГЕРМАН *(сделав глоток, вскакивает на ноги)*. Остановись!

КРИСТИНА. Что случилось?

ГЕРМАН. Это не Diet Pepsi. Это Diet Coke.

КРИСТИНА *(изобразив на лице ужас)*. О боже, я попалась!

ГЕРМАН *(разыскал бутылку, торжествующе демонстрирует этикетку)*. Ну? Что я сказал?

КРИСТИНА. Надо же так свалить дурака. Я думала, ты не заметишь.

ГЕРМАН. Ха! Это с моими-то вкусовыми сосочками!

КРИСТИНА. Ну, прости. Ты меня простишь или я заслужила вечные муки?

ГЕРМАН. Это зависит от того, какие у тебя еще есть безалкогольные напитки.

КРИСТИНА *(заглядывает в холодильник)*. Крем-сода и... крем-сода.

ГЕРМАН. Годится. *(Кристина наливает ему в чистый стакан.)* А теперь скажи честно, найдется ли на свете более покладистый мужчина?

КРИСТИНА. Ура! Шипит, как блин на раскаленной сковороде. По такому случаю я даже выпью Diet Coke.

ГЕРМАН. Помянем Айзека Мильмана.

КРИСТИНА. И Мириам Льюис.

Они чокаются, пьют. Кристина продолжает упаковывать книги.

ГЕРМАН. Вчера в ресторане, когда вспоминали достоинства Айзека, какое из них назвала ты?

КРИСТИНА. Я сказала, что он был нежным и внимательным.

ГЕРМАН. Я бы назвал другое.

КРИСТИНА. Какое?

ГЕРМАН. Теплоту. Шубы, которые он продавал, не шли ни в какое сравнение с его теплотой. *(Кристина зарывается в книги, чтобы скрыть свои чувства. Он стоит у нее за спиной.)* Похоже, что ты переезжаешь во Флориду.

КРИСТИНА. Похоже, что так.

ГЕРМАН. Когда придут рабочие?

КРИСТИНА. Рабочие давно здесь.

ГЕРМАН. Здесь?

КРИСТИНА. Ты хочешь, чтобы я их тебе представила?

ГЕРМАН. Не надо. Ты платишь им, чтобы они работали, а не вели светские беседы.

(Пауза.) Значит, они все увозят завтра, а ты улетаешь в субботу?

КРИСТИНА. Они все увозят завтра, и завтра же я улетаю. В 5.15 из аэропорта Кеннеди.

ГЕРМАН. Как завтра? Ты мне говорила, в воскресенье.

КРИСТИНА. Я тебе этого не говорила.

ГЕРМАН (*смотрит, как она укладывается*). Кристина, объясни мне одну вещь. Как ты собираешься разместить всю эту мебель в чужой квартире?

КРИСТИНА. Никак. Я сдаю ее на хранение, а с собой беру только самое ценное.

ГЕРМАН. Неужели тебе не жаль расставаться со всем этим?

КРИСТИНА. У Беверли отличная мебель и ковры. У нее был первоклассный декоратор – я.

ГЕРМАН. Если мне не изменяет память, ковры ты покупала у меня.

КРИСТИНА. Двенадцать процентов комиссионных.

ГЕРМАН. Одиннадцать. (*Пьет.*) Надо полагать, Беверли уже нашла тебе новых клиентов.

КРИСТИНА. Старается.

ГЕРМАН. Если она двинет в бой свои сто килограммов, ни один враг не устоит.

КРИСТИНА. Какие сто? Максимум восемьдесят.

ГЕРМАН. Я добавил макияж и бижутерию.

КРИСТИНА. Ты к ней несправедлив. Даже если она немного перебарщивает, я не знаю другого человека, с кем было бы так интересно. О присутствующих я не говорю.

ГЕРМАН. К тому же она абсолютный чемпион мира по словесному марафону. Когда ее Арнольд благоразумно ушел из жизни, она только через пять дней заметила, что он ее не слушает.

КРИСТИНА (*у нее в руках альбом*). Узнаешь, откуда это?

ГЕРМАН. Нет. Откуда?

КРИСТИНА. Лувр. Мириам купила мне этот альбом, когда мы последний раз путешествовали вчетвером. (*Садится рядом, ностальгически листает страницы.*) Париж!

ГЕРМАН. Сначала был Рим. В Ватикане мы битый час проторчали на автостоянке, а папа все не появлялся.

КРИСТИНА. Это была не автостоянка, а площадь Святого Петра. Тысячи людей, застывшие в радостном ожидании.

ГЕРМАН. Ты-то была там, как рыба в воде, а мы трое больше напоминали тефтельки из мацы.

КРИСТИНА. Наконец папа вышел на балкон и сделал вот так. (*Вытянув руки, «благословляет толпу» на три стороны.*) Мириам спросила меня: «Что это значит?», но прежде чем я успела ответить, ты сказал (*сопровождая папским жестом*): «Пусть эти трое евреев уберутся с моей земли». (*Со вздохом закрывает альбом и возвращается к прозе жизни – складыванию книг.*)

ГЕРМАН (*подходит сзади*). Предположим, ты найдешь во Флориде клиентов. А как насчет партнеров? Все твои партнеры здесь, в Нью-Йорке.

КРИСТИНА. Со временем обзаведусь новыми.

ГЕРМАН. Ковровщиками тоже?

КРИСТИНА. Нет. Ковры я по-прежнему буду заказывать у тебя, обещаю.

ГЕРМАН. Ну что ж. Тогда задай себе один простой вопрос: «Как долго я протяну без детей и внуков?»

КРИСТИНА. Герман, можно я тебя тоже о чем-то спрошу?

ГЕРМАН. Если ты хочешь узнать, останусь ли я на обед, то ответ положительный.

КРИСТИНА. Тебе не кажется, что ты мог бы поддержать мое решение о переезде, вместо того чтобы отравлять мне последние часы?

ГЕРМАН. Я рад, что ты задала этот вопрос. Ответ на него как раз и связан с моим визитом. Кристина? (*Никакой реакции.*) Кристина, ты выйдешь за меня замуж?

КРИСТИНА (*не верит своим ушам*). Выйду ли я... выйду ли я за тебя замуж?

ГЕРМАН. Ты правильно повторила мой вопрос.

КРИСТИНА. Ну всё, Герман, хватит. Ты шутишь. Ты ведь шутишь, правда?

ГЕРМАН. Хорошенькая шутка. Приехать сюда в такую метель, рискуя не поймать потом такси.

КРИСТИНА. Отец Небесный, это не шутка!

ГЕРМАН. Это был бы логичный шаг для нас обоих.

КРИСТИНА. Почему?

ГЕРМАН (*достал из внутреннего кармана сложенный листок, надел очки*). Пункт первый...

КРИСТИНА. Ты расписал все по пунктам?

ГЕРМАН. А как же. Четыре причины, по которым нам следует пожениться.

КРИСТИНА. Когда ты это написал?

ГЕРМАН. Вчера ночью, после битвы с бухгалтером. Но я обдумывал это предложение последние три месяца.

КРИСТИНА. Почему же ты мне раньше ничего не сказал? У тебя были отличные возможности. Мы виделись в ноябре и в январе.

ГЕРМАН. До поры до времени я держался в тени. Я должен был убедиться, что моя логика безупречна. Теперь я уверен на сто процентов, и вот почему. (*Снова обращается к шпаргалке.*) Пункт первый...

КРИСТИНА. Герман, не надо! Пожалуйста. Я польщена, но... я не могу выйти за тебя замуж. Это не только не логично, это безумие.

ГЕРМАН. По крайней мере выслушай меня без предубеждения.

КРИСТИНА. Но я все равно скажу «нет».

ГЕРМАН. Тогда выслушай меня с предубеждением. (*Она вздыхает, смиряясь с неизбежным. Он методично излагает пункт за пунктом, словно это обыкновенная сделка.*) Пункт первый, экономический фактор. Вдвоем жизнь обходится дешевле. Если ты переедешь ко мне, я не буду брать с тебя квартплату. Кроме того, у нас будет один счет за телефон, газ и электричество. Мы также сэкономим на мелочах вроде кукурузных хлопьев и зубной пасты, так как будем покупать их в «семейной» расфасовке.

КРИСТИНА. Могу я по ходу задавать вопросы или делать замечания?

ГЕРМАН. Разумеется.

КРИСТИНА. Иногда пункт первый звучит так: «Я от тебя без ума».

ГЕРМАН. У меня это отражено... *(сверился с листком)* в третьем пункте. А также в четвертом.

КРИСТИНА. Когда Айзек делал мне предложение, любовь шла под №1. Интересно, на каком месте она стояла у тебя, когда ты делал предложение Мириам.

ГЕРМАН. Не помню.

КРИСТИНА. Наверняка на первом.

ГЕРМАН. Очень может быть. Но когда я делал предложение Мириам, у меня не было ни гроша за душой, поэтому экономический фактор оказался в самом конце.

КРИСТИНА *(желая поскорее со всем этим покончить)*. Что там у нас дальше?

ГЕРМАН. Пункт второй, возрастной фактор. Суть его сводится к тому, что мы с тобой, увы, не желторотые цыплята. Мне шестьдесят пять, тебе шестьдесят три...

КРИСТИНА *(возмущенно)*. Сколько?

ГЕРМАН. Нет? А сколько же?

КРИСТИНА. Шестьдесят один! Кто тебе сказал, что мне шестьдесят три?

ГЕРМАН. Никто. Просто я считал, что вы с Мириам одногодки, а ей было бы шестьдесят три.

КРИСТИНА. Мы не с ней не одногодки. Я моложе.

ГЕРМАН *(его лицо выражает сомнение)*. Допустим. *(Обращается к шпательке.)* После шестидесяти трех...

КРИСТИНА *(перебивает)*. Шестидесяти одного!

ГЕРМАН. Извини. У меня написано «шестьдесят три».

КРИСТИНА. Так исправь.

ГЕРМАН *(мысленно исправляет)*. После шестидесяти одного никто не знает, сколько ему еще осталось. В наших общих интересах держаться друг за друга.

КРИСТИНА. Пункт третий?

ГЕРМАН. Пункт третий, фактор привыкания. Мы знакомы больше тридцати лет. Мы не из тех молодоженов, которым нужны месяцы и годы, чтобы... *(конец предложения на обороте страницы)* притереться. Пункт четвертый...

КРИСТИНА. Стоп! А где «любовь», которую ты мне обещал в третьем пункте?

ГЕРМАН. Вот. Я сделал для себя примечание. *(Читает.)* Когда двое долго испытывают друг к другу теплые чувства, они могут перерасти в любовь. *(Глядя на Кристину.)* Из-за твоей враждебности я решил это опустить.

КРИСТИНА *(подходит к нему)*. Герман, я испытываю к тебе самые теплые чувства, но от этого еще очень далеко до... до...

ГЕРМАН. До постели?

КРИСТИНА. Да. Если уж быть до конца откровенной... *(села на диван, провела по стакану кончиками пальцев)* я выпила из твоего стакана не без некоторой брезгливости.

ГЕРМАН *(садится рядом с невозмутимым видом)*. Пункт четвертый, физический фактор. У меня нормальные запросы в области секса.

КРИСТИНА. Прости за нескромный вопрос. С учетом возраста, ты не расшифруешь, что значит «нормальные запросы»?

ГЕРМАН. Я хочу больше, чем получаю.

КРИСТИНА. Чеканная формулировка.

ГЕРМАН. Я прибегал к ней не раз на протяжении нашего брака.

КРИСТИНА. Я знаю. Мириам мне говорила.

ГЕРМАН. Да? Что именно?

КРИСТИНА. Что ты всегда был... решительно настроен.

ГЕРМАН. Был и есть. *(Пауза.)* А еще что она говорила?

КРИСТИНА. Что ты великолепно танцуешь. Тут она была права. По этой части ты бы дал своему другу сто очков вперед. Я часто говорила: «Айзек, если бы ты танцевал, как Герман, мир давно лежал бы у твоих ног».

ГЕРМАН. Я не об этом. Что она говорила о своей сексуальной жизни?

КРИСТИНА *(после паузы)*. Ничего.

ГЕРМАН. Я тебе не верю. Ты думаешь, что она нас слышит, и боишься ее смутить.

КРИСТИНА. Ее? Я боюсь смутить тебя.

ГЕРМАН. Попробуй. Твои шансы близки к нулю, но так и быть, попробуй.

КРИСТИНА. Хорошо. Если ты настаиваешь. В такие минуты, говорила она, ты задавал ей один вопрос. *(С интонацией мачо.)* «Ну что, куколка, ты готова к визиту Большого Билла?». Я тебя смутила?

ГЕРМАН. Немного.

КРИСТИНА. Почему немного?

ГЕРМАН. Я говорил это романтичнее.

КРИСТИНА. Мне так и не удалось вытянуть из Мириам подробности про Большого Билла. Наверно, она волновалась за мой брак.

ГЕРМАН. Давай закроем эту тему. Пока я тебе предлагаю только руку. *(Заглянул в листок.)* У тебя, надо думать, такие же нормальные запросы, которые ты не можешь удовлетворить. А посему... дальше я запомнил. *(Берет ее за руку.)* Кристина, ты замечательный человек, и я буду благодарен и польщен, если ты согласишься стать моей женой. Все.

КРИСТИНА. Герман, я рада быть – и надеюсь остаться – твоим другом.

ГЕРМАН. Но замуж ты за меня ты не выйдешь. Через пятнадцать секунд я избавлю тебя от своего присутствия.

КРИСТИНА *(подходит к нему)*. Герман, к чему все это? *(Он влезает в галоши.)* Из этой затеи все равно ничего не выйдет.

ГЕРМАН. Прощай, Кристина. Удачи тебе во Флориде. Передай Беверли мои самые теплые пожелания. *(Направляется в прихожую.)*

КРИСТИНА *(загораживает ему дорогу)*. В таком состоянии я тебя не отпущу.

ГЕРМАН. В каком я состоянии?

КРИСТИНА. Обиженный. Сердитый.

ГЕРМАН. Ни то, ни другое. Я уйду, сохранив остатки своего достоинства. *(Пытается ее обойти, шлепая не застегнутыми галошами.)*

КРИСТИНА *(не пускает)*. Герман, ты сам видишь. Даже в этом мы не можем найти общий язык. И так во всем. Мы всю жизнь вставляли друг другу шпильки. Вполне безобидные. Но стоит нам пожениться, как мы бросим шпильки и возьмемся за ножи. Мы захотим крови.

ГЕРМАН *(высокомерно)*. Возможно. Теперь я могу пройти?

Она освобождает дорогу. Вместо того чтобы отпереть дверь, он ее запирает. Беспомощно дергает засов. Кристина выпускает его и уходит на кухню.

Звонит колокольчик. Она открывает дверь, на пороге Герман.

КРИСТИНА. Давно не виделись.

ГЕРМАН. Я не могу спокойно смотреть, как ты совершаешь, может быть, главную ошибку своей жизни.

КРИСТИНА. Пожалуйста, еще раз.

ГЕРМАН. Ты можешь сильно пожалеть о своем поспешном решении. Советую тебе обстоятельно все обдумать.

КРИСТИНА. Обстоятельно – это сколько?

ГЕРМАН *(посмотрел на часы)*. Через три часа я за тобой заеду, и мы поужинаем в ресторане. Обещаю, что бы ты ни решила, я подчинюсь.

КРИСТИНА. Герман, какой ресторан! Это мой последний вечер!

ГЕРМАН. Кристина, полчаса. Полчаса в память о тридцати годах нашей дружбы.

КРИСТИНА *(пауза, мрачно)*. Хорошо.

ГЕРМАН. Не буду тебе мешать. *(Выходит. Кристина закрывает дверь, и тотчас раздается звон колокольчика. Она открывает.)* Мой перечень следует расширить. Пункт пятый, религиозный фактор. *(Великодушно.)* Если у нас будут дети, ты можешь воспитать их в католической вере. *(Уходит, прикрыв за собой дверь.)*

Сцена вторая

Вечер. Перед кухней громоздятся коробки с посудой; еще две коробки, с одеждой, стоят возле спальни. Рабочие оголяют стеллажи, действуя в привычной манере – Ральф быстро и сноровисто, Чак с ленцой, спустя рукава.

ЧАК. Ральф, я вот думаю...

РАЛЬФ. ...как бы работать поменьше, а болтать побольше.

ЧАК. Я вот думаю, а где мистер «как там его»? Они в разводе или он дуба дал?

РАЛЬФ. «Как там его», более известный как мистер Мильман, умер ровно год назад.

ЧАК. Откуда ты знаешь?

РАЛЬФ. О своих клиентах надо знать всё. По крайней мере самое необходимое. Мы должны показать, что они для нас не просто заказчики, а живые люди.

Из спальни выходит Кристина в длинном пеньюаре и домашних туфельках.

КРИСТИНА. Мальчики, я знаю, с моей стороны это свинство, но мне надо кое-что достать из коробки с одеждой.

ЧАК. Она уже запечатана.

РАЛЬФ. Миссис Мильман, не беспокойтесь. Мы всегда рады оказать вам услугу.

(Распечатывает коробку.)

КРИСТИНА. Мне нужно нарядное платье. Я не смогла ему отказать – он был так настойчив.

РАЛЬФ *(галантно)*. Его можно понять.

КРИСТИНА. Спасибо, Ральф. Боюсь, что вы немного близоруки. Надеюсь, стекло упаковывали не вы.

РАЛЬФ. Вторую коробку тоже открыть?

КРИСТИНА. Сначала посмотрим, что у меня в этой. *(Перебирает вещи, Ральф возобновляет прерванную работу.)*

ЧАК. Как насчет обеденного перерыва?

РАЛЬФ. Я еще не решил.

ЧАК. И когда ты решишь?

РАЛЬФ. Когда решение созреет.

КРИСТИНА (*прикладывая платье*). Это подойдет. Можно закрывать коробку. Платье я потом положу в чемодан. (*Уходит в спальню.*)

РАЛЬФ. Чак?

ЧАК. Что?

РАЛЬФ. Запечатай коробку.

ЧАК. А ты не можешь? Я ее уже один раз запечатал.

РАЛЬФ. Вот и повтори «на бис». У тебя отлично получается.

ЧАК (*запечатывая*). Интересно, с чего это ты так раскомандовался?

РАЛЬФ. Наверно с того, что я проработал в компании “Ваш дом” двадцать шесть лет, а ты без году неделю.

Возвращается Кристина, неся на плечиках забракованное платье.

КРИСТИНА. Нет, не годится. Слишком летнее.

ЧАК. А вы оденьте сверху теплый свитер.

РАЛЬФ. Чак, не изображай из себя модельера. Открой лучше вторую коробку. (*Чак нехотя подчиняется.*)

КРИСТИНА. Ральф, я бы с удовольствием что-нибудь приготовила, но у меня в холодильнике хоть шаром покати. Поэтому я предлагаю: закажите себе за мой счет хороший ужин.

РАЛЬФ. Спасибо, но мы не можем принять ваше предложение. Мы перехватим пару бутербродов, чтобы поскорее закончить и не брать с вас за сверхурочную работу.

Чак открыл вторую коробку. Кристина роется в вещах.

ЧАК (*напарнику*). Почему бутерброды? Давай закажем пиццу.

КРИСТИНА (*достала другое платье на плечиках*). Это то, что надо. (*Возвращает Чаку платье №1.*) А это можно убрать. (*Чак снова запечатывает коробку.*) Я прошу прощения за беспокойство.

ЧАК. Ничего, миссис... *(Не может вспомнить имя.)* Всё путем.

Ральф идет к бару, чтобы упаковать последнее – бутылки, стаканы, вазочку с конфетами и один-единственный компакт-диск.

КРИСТИНА. Бар трогать пока не надо. Вдруг мы с ним захотим выпить «на посошок». *(Уходит в спальню.)*

РАЛЬФ. Освободим им место в гостиной. *(Переносят коробки в прихожую.)*

ЧАК. Почему ты не дал ей заплатить за ужин? И от сверхурочных отказался. Нам что, не нужны деньги?

РАЛЬФ. Чак, я не врач и не адвокат.

ЧАК. При чем тут это?

РАЛЬФ. Притом, что доить клиентов – не в моих правилах.

ЧАК. Поэтому я должен умереть от голода?

РАЛЬФ. Чак, я должен тебе кое-что сказать.

ЧАК. Ну-ну.

РАЛЬФ. Я держу тебя в ежовых рукавицах для твоего же блага. В один прекрасный день ты можешь стать рабочим высшей квалификации.

ЧАК. Зачем? В жизни есть кое-что получше, чем коробки с барахлом.

РАЛЬФ. Да. Гордость за хорошо сделанное дело.

ЧАК. И что я буду делать с твоей гордостью? На гвоздик повешу? «Альфа-Ромео» и красotka из «Плейбоя» – это да! Вот от чего я бы не отказался.

РАЛЬФ. Откуда же они возьмутся?

ЧАК. Оттуда. Однажды утром проснусь – получите, распишитесь!

РАЛЬФ. Американская мечта, что может быть глупее. Это не я сказал. Авраам Линкольн.

Сцена третья

Поздний вечер. В прихожей добавилось коробок. Входит Кристина в норковом манто, за ней Герман в фетровой шляпе и модном пальто, под ним отменная пиджачная пара и галстук. Он запирает дверь, пока она зажигает свет и кладет на столик сумочку и ключи. Положив шляпу на картонную коробку, Герман отдает Кристине пальто, которое она вешает в стенной шкаф.

КРИСТИНА. *(Разглядывает его в ярком свете.)* Выглядишь ты сегодня бесподобно.

ГЕРМАН. Рядом с такой дамой приходится быть джентльменом. *(Кристина скидывает манто в расчете, что его подхватят, но Герман уже прошел в гостиную. Она поднимает с пола манто и вешает в стенной шкаф, а тем временем ее гость зажигает газовый камин.)*

КРИСТИНА. Ты хочешь что-нибудь? Бренди? Шерри? Diet Pepsi?

ГЕРМАН. Когда ты успела купить Diet Pepsi?

КРИСТИНА. Рабочих попросила.

ГЕРМАН. Это еще зачем?

КРИСТИНА. Чтобы как-то отблагодарить тебя за ресторан. Хорошее название – “Raison D’Etre”.

ГЕРМАН. Я забыл, как это переводится.

КРИСТИНА. Смысл жизни.

ГЕРМАН. То есть грабеж среди бела дня.

КРИСТИНА. Я тебя предупредила, что там дорого, но ты только отмахнулся.

ГЕРМАН. Не сыпь соль на раны.

КРИСТИНА. Сколько?

ГЕРМАН. Ты хочешь, чтобы у тебя тоже испортилось настроение?

КРИСТИНА. Не надо было отдавать заказ на откуп официанту. Он наверняка выбрал самые дорогие блюда.

ГЕРМАН. Я это сделал только потому, что ты меня все время подгоняла.

КРИСТИНА. Герман, я чувствую, мы опять поссоримся. Время позднее. Если ты хочешь что-то выпить на скорую руку, так и скажи.

ГЕРМАН. Шерри. В “Смысле жизни” за одну рюмку заломили бы не меньше червонца.

КРИСТИНА *(идет к бару)*. Позволь мне оплатить половину счета.

ГЕРМАН. Ты тут ни при чем. Винить нужно того, кто порекомендовал мне это «восьмое чудо света».

КРИСТИНА. И кто же это был?

ГЕРМАН. Мой бухгалтер. Если он там регулярно обедает, нас ждет финансовый крах в самое ближайшее время.

КРИСТИНА. Какое шерри ты предпочитаешь? Сладкое или сухое?

ГЕРМАН. Не имеет значения.

КРИСТИНА. Тогда я налью тебе сухого. Тут немного осталось – одной бутылкой в багаже будет меньше. *(Выливает в бокал остатки.)* Нет, это ужасно. Если бы я знала, что там **так** дорого...

ГЕРМАН. То ты не заказала бы на десерт свежую малину. В феврале. *(Она несет ему напиток.)* Еще не поздно попросить сладкое шерри?

КРИСТИНА. Почему же ты сразу... *(Решила не развивать эту тему.)* Нет, не поздно. Я выпью сухое. *(Возвращается к бару, наливает ему сладкое шерри.)*

ГЕРМАН. Ты слушала прогноз погоды на завтра?

КРИСТИНА. Когда? Мне еще складывать чемодан и косметичку.

ГЕРМАН. Жуткая метель. В аэропорту Кеннеди – тоже.

КРИСТИНА *(приносит напитки)*. Меня это мало волнует.

ГЕРМАН. Да?

КРИСТИНА. Я не боюсь летать в метель. Я боюсь летать в самолете. *(Садится рядом.)* За свободу?

ГЕРМАН. За нас.

КРИСТИНА. В каком смысле?

ГЕРМАН. Чтобы мы скорее увиделись.

КРИСТИНА. Я прилечу в апреле. У Билли бар-мицва.

ГЕРМАН. У какого Билли?

КРИСТИНА. Моего внука. Для которого я у тебя покупала ворсистый ковер.

ГЕРМАН. Ах, этого. Значит, еще два с лишним месяца. Не знаю, как я выдержу.

КРИСТИНА. Ты выдержал в ноябре. И в январе. Выдержишь и сейчас.

ГЕРМАН. Кристина, это моя мнительность или ты обвиняешь меня в том, что я от тебя отдалился?

КРИСТИНА. Я просто хочу сказать: если бы ты умер, а Айзек и Мириам были живы, он навещал бы твою вдову раз в неделю как минимум.

ГЕРМАН. Кристина, ты уверена, что ты не еврейка? *(Пауза.)* Ты забываешь, что Айзек был меховщиком. У меховщика полно свободного времени.

КРИСТИНА. Жаль, Айзек не знал об этом. Он бы так не торопился на тот свет.

ГЕРМАН *(потягивает напиток)*. Хорошее шерри. Умеренно сладкое. Как хозяйка.

КРИСТИНА. Я не уверена, что это комплимент, но на всякий случай спасибо.

ГЕРМАН. Сладкая женщина – это волк в овечьей шкуре. Я люблю острые блюда, а в тебе перца хоть отбавляй. *(Пересаживается к ней поближе.)*

КРИСТИНА. Герман, ты никак собираешься ко мне приставать?

ГЕРМАН. А как ты к этому отнесешься?

КРИСТИНА. Я скажу Большому Биллу, чтобы он умерил свою прыть. *(Отсаживается на другой конец дивана. Неловкая пауза.)*

ГЕРМАН. Наш ужин обошелся мне в сто семьдесят восемь долларов.

КРИСТИНА. Ты шутишь.

ГЕРМАН. Сто двадцать еда, плюс налог, плюс сорок пять долларов чаевых.

КРИСТИНА. Не может быть.

ГЕРМАН. Бутылка вина – 29... закупали по 11. Два салата «мэзон» – 18. Два ромштекса из баранины – 55. Два кофе – 6. И венец ужина... свежая малина в феврале... одна порция... 12 долларов.

КРИСТИНА. Герман, позволь мне оплатить половину. Ну, пожалуйста.

ГЕРМАН. Нет.

КРИСТИНА. По крайней мере, малину.

ГЕРМАН. Нет. *(Отпил шерри.)* Чаевые: 30 официанту, 5 гардеробщице и 10 метрдотелю, который вырос, словно из-под земли, когда ты приканчивала свою малину, чтобы поинтересоваться, всем ли мы довольны. Если бы я сказал «нет», он вскрыл бы себе вены.

КРИСТИНА. Зачем ты ему столько дал?

ГЕРМАН. Если бы я дал меньше, он порезал бы не себя, а твое норковое манто. *(Осужает бокал.)*

КРИСТИНА. Еще шерри?

ГЕРМАН. Это зависит от того, ухожу я или остаюсь.

КРИСТИНА. Я предлагаю компромисс. Еще **полбокала**, и ты уходишь. *(Протягивает руку за бокалом, но он его не отдает.)*

ГЕРМАН. Не надо церемоний. Если вечер не удался, так и скажи, и я уйду.

КРИСТИНА. Вечер удался. *(Берет его бокал и наполняет точнехонько до половины.)*

ГЕРМАН. Приятно слышать. Мне трудно соперничать с твоими поклонниками. Ты должна разбивать сердца, как гонцики свои машины.

КРИСТИНА. Грубая лесть. У меня поклонников – раз, два и обчелся, и к «сливкам» их никак не отнесешь. Под «сливками» я подразумеваю тех, кто выходит из дома без разрешения врача. Но они охотятся на девочек, которые им во внучки годятся.

ГЕРМАН. Читая между строк, я делаю вывод, что «твой мужчина» смог бы удержать тебя в Нью-Йорке.

КРИСТИНА. «Мой мужчина» умер год назад, и никакой другой его не заменит.

ГЕРМАН. Это философия обреченной, ты не находишь?

КРИСТИНА. В твоей жизни много свиданий?

ГЕРМАН. Включая секс?

КРИСТИНА. Я снимаю свой вопрос.

ГЕРМАН. Почему? Разве секс – это то, что надо скрывать, как образчики ковров?

КРИСТИНА. Между «скрывать» и «хвастаться» огромная разница.

ГЕРМАН. Хвастаться? Кто хвастается?

КРИСТИНА. Ты всячески даешь мне понять, что, несмотря на почтенный возраст, ты еще ого-го.

ГЕРМАН. Когда я хвастаюсь, я говорю, что я еще иго-го.

КРИСТИНА. В общем, ты еще бьешь копытом, а я, считай, списанная в тираж кобылка.

ГЕРМАН. Списанная в тираж? Ты хочешь сказать, что секс тебя не интересует?

КРИСТИНА. Давай допьем спокойно? *(В молчании потягивают шерри.)*

ГЕРМАН. Похоже, ты переезжаешь во Флориду.

КРИСТИНА. Слава богу, вспомнил.

ГЕРМАН. И я не могу повлиять на твое решение?

КРИСТИНА. Абсолютно.

ГЕРМАН *(подвигается к ней)*. Какими духами ты пользуешься?

КРИСТИНА. А что?

ГЕРМАН. Меня от них в жар бросает

КРИСТИНА. Это опоясывающий лишай. *(Пересев в кресло, решает перевести разговор в безопасное русло.)* Как поживает твой сын?

ГЕРМАН. Стивен?

КРИСТИНА. У тебя есть еще один?

ГЕРМАН. У него все хорошо. *(Делает глоток.)*

КРИСТИНА. Сколько осталось?

ГЕРМАН (*проверяет*). Половина половинки. Поскольку до апреля это мои последние глотки наедине с тобой, я собираюсь смаковать их долго.

КРИСТИНА. Ты с ним часто разговариваешь?

ГЕРМАН. С кем?

КРИСТИНА. Со Стивеном.

ГЕРМАН. Если округлить, то раз в месяц.

КРИСТИНА. Раз в месяц, со своим единственным ребенком? Для любящих отца и сына не слишком часто.

ГЕРМАН. Я живу на восточном побережье, он на западном. Наша любовь простирается через всю Америку.

КРИСТИНА. Когда вы последний раз виделись? (*Не получив ответа.*) Три года назад, на похоронах Мириам?

ГЕРМАН. Если знаешь, зачем спрашиваешь?

КРИСТИНА. Чтобы ты оторвал от дивана свой зад, сел в самолет и порадовался жизни вместе с любимым сыном и внуками.

ГЕРМАН. В августе в Лос-Анджелесе намечается слет ковровщиков, и я планирую там быть.

КРИСТИНА. Ты не планируй – ты поезжай. Не ради себя, ради Джоша и Дженни. Пока они еще не забыли, какой у них замечательный дедушка.

ГЕРМАН. Не такой уж замечательный, раз от его предложения можно так легко отмахнуться. (*Делает глоток.*)

КРИСТИНА. Сколько осталось?

ГЕРМАН (*проверяет*). Половина четвертушки. Если ты думаешь, что моя голова на расстоянии кружится меньше, то ты сильно ошибаешься.

КРИСТИНА (*встает с кресла*). Похоже, я переезжаю во Флориду. Осталось только собраться.

ГЕРМАН. Пусть кто-нибудь попробует обвинить меня в том, что я не понимаю намеков. *(Допивает, встает.)* Спокойной ночи и прощай. *(Берет ее руки в свои.)*

КРИСТИНА. Я тебе буду позванивать. *(Пытается высвободиться.)*

ГЕРМАН. Кристина, не уезжай!

КРИСТИНА *(вырвалась)*. Герман, не надо.

ГЕРМАН *(став на колени и протянув к ней руки)*. Выходи за меня! Видишь, я упал перед тобой на колени!.. Миссис Мильман, спасибо вам за прекрасный вечер, и отдельное спасибо за страдания, оцененные в сто восемьдесят долларов. *(Уходит.)*

КРИСТИНА *(догоняет его, берет за локоть)*. Герман! Извини. Я не должна была этого говорить.

ГЕРМАН. Поздно. Унижениям тоже есть предел.

КРИСТИНА. Ну, прости. Я исправлюсь.

ГЕРМАН *(заинтересованно)*. Интересно, как?

КРИСТИНА. Ты можешь выпить все мое шерри. *(Усадив его на диван, идет к бару и наполняет его бокал.)* Прости, я не знала, как мне из этого выпутаться. Пойми, я не могу вот так, с бухты-барахты, выскочить замуж. Это инстинкт самосохранения. *(Подходит к нему.)* Мы с Айзеком три года встречались, прежде чем пожениться. *(Отдает бокал и садится рядом.)*

ГЕРМАН. Я не такой терпеливый. Мы с Мириам ждали мучительных два месяца.

КРИСТИНА. Мучительных для тебя или для нее?

ГЕРМАН. Для нас обоих. Она тебе говорила? Что она была девственницей?

КРИСТИНА. Да. В то время это было в порядке вещей.

ГЕРМАН *(потягивая шерри)*. Ты до замужества тоже была девственницей?

КРИСТИНА. А что тебе говорил Айзек на эту тему?

ГЕРМАН. Ничего. Он всегда уходил от ответа.

КРИСТИНА. Вот как. *(Прощупывает почву.)* А Мириам?

ГЕРМАН. Молчала, как партизан.

КРИСТИНА. Я тоже до замужества была девственницей.

ГЕРМАН. Притом что вы с Айзеком три года встречались?

КРИСТИНА. По-твоему, я лгу?

ГЕРМАН *(не находя доказательств)*. Слушай, зачем ворошить прошлое? *(Поставил бокал.)* Мой девиз: «Лови мгновение». *(Неожиданно целует Кристину в губы.)*

КРИСТИНА *(отшатнулась, дает ему по руке)*. Герман, как ты смеешь! *(Вскочив на ноги, быстрым шагом направляется к выходу.)*

ГЕРМАН *(тоже встает)*. Кристина, ты куда? Это же твоя квартира.

КРИСТИНА *(из прихожей, роясь в сумочке)*. Я плачу за свой ужин!

ГЕРМАН *(идет к ней)*. Ну, прости. Я погорячился.

КРИСТИНА *(достала чековую книжку, выписывает чек)*. Половина от ста восьмидесяти – девяносто.

ГЕРМАН. Кристина. Я приношу свои глубочайшие извинения.

КРИСТИНА. Да! Ты от десерта отказался, а моя малина стоила двенадцать. Значит, я тебе должна... сто два доллара.

ГЕРМАН. Я принял твои извинения, почему ты не принимаешь мои?

КРИСТИНА *(протягивает ему чек)*. Вот, держи.

ГЕРМАН. Нет. *(Отступает, она наступает.)* Кристина, ты мне уже дала по рукам, не наказывай меня еще раз. Если бы мы были там, а они здесь, неужели Мириам из-за одного поцелуя устроила бы Айзеку такой хипеш? После бутылки вина и двух бокалов шерри!

КРИСТИНА. Стоит тебя припереть к стенке, как ты сразу вспоминаешь про тот свет. Очень удобно.

ГЕРМАН. Я не атеист, просто иногда накатывают сомнения.

КРИСТИНА. По-моему, на тебя что-то другое накатывает.

ГЕРМАН. Я знаю. Это хроническая болезнь. Но с твоей помощью я с ней как-нибудь справлюсь. *(Выхватил чек.)* К тому же ты неправильно считаешь. Надо вычесть двена-

дцать, разделить на два и снова добавить двенадцать. (*Порвав чек, возвращается на диван.*) Интересно, когда Айзек тебя первый раз поцеловал? Так, для сравнения.

КРИСТИНА (*надеясь его пристыдить*). Первый раз Айзек поцеловал меня во время седьмого свидания.

ГЕРМАН. Что это он так? А еще говорят, торговцы смелый народ.

КРИСТИНА. Он был меховщик. Вероятно, ты спутал его с ковровщиком.

ГЕРМАН. И где же состоялся этот исторический поцелуй?

КРИСТИНА (*садится в кресло, ностальгически*). В ночном клубе «Лу Уотерс Лэтин Квотер». Странно, что он его выбрал. Там играли румбу, самбу, мамбу... а Айзек не знал ничего, кроме фокстрота, и тот с грехом пополам. Но я помню, как будто это было вчера... он подошел ко мне и спросил: «Ну что, мисс, покажем им, где раки зимуют?» И мы показали! Один ритм сменял другой, а он все ходил за мной по паркету, как пахарь за плугом, и объяснял, что музыка у них не та, и на площадке тесновато... Но он старался! Весь вечер и еще тридцать восемь лет. Не скажу, что он сильно преуспел, но это неважно. В тот вечер, в ночном клубе «Лу Уотерс Лэтин Квотер», я встретила мужчину, с которым можно было смело пуститься в плавание длиною в жизнь.

ГЕРМАН. Мириам поцеловала меня после второго свидания. Так она отблагодарила меня за концерт в Карнеги Холл, в котором, я засек, соло на флейте звучало девятнадцать часов.

КРИСТИНА. Я слышала про ваше первое свидание. На Кони-Айленд. Когда она отказалась прокатиться с тобой на аттракционе «Тоннель Любви».

ГЕРМАН. Наше второе свидание явило перед ней мужчину изысканного вкуса. Нет, обмануть ее мне не удалось, зато я ей дал отличный повод обрушить на мою голову все мыслимое и немыслимое зло: оперы, балеты, музеи, выставки, лекции по искусству, европейское кино, где все происходит в полной темноте, и танцоров из Тасмании, от которых потом неделю ходишь как пьяный. В своем приобщении к искусству моя жена не щадила

себя, и меня тоже. Назови любое культурное событие в Нью-Йорке за последние тридцать лет... я был его участником.

КРИСТИНА. Герман, скажи откровенно. У тебя есть **приятные** воспоминания, связанные с Мириам?

ГЕРМАН. Есть. Но мне больно о них думать. *(Она встает. Он испуганно показывает ей свой бокал.)* Еще не выпил.

КРИСТИНА. Я тебя не выгоняю. Просто хочу поставить мелодию... Ну что?

ГЕРМАН. То, что доктор прописал. *(Допивает.)* Ну что, мисс, покажем им, где раки зимуют?

КРИСТИНА. Ты еще не научился танцевать румбу?

ГЕРМАН. Спроси у птицы, не научилась ли она летать.

Кристина встает. Они танцуют на расстоянии, сначала робко, затем все увереннее. Он словно невзначай «утанцовывает» ее в спальню, но она его решительно выпроваживает. На смену романтической мелодии приходит быстрый джиттербаг. Они скачут, как расшалившиеся школьники на выпускном вечере.

КРИСТИНА. Уф! Это было чудесно.

Звучит ностальгический тустеп.

ГЕРМАН. Главное не останавливаться.

КРИСТИНА. Да ты мазохист!

ГЕРМАН. Только с моим бухгалтером.

Он проделывает со своей партнершей самые рискованные па, демонстрируя безукоризненную выучку. Они танцуют щека к щеке... целуются... песня кончилась. Зазвучала веселая полька. Кристина обрывает поцелуй и выключает музыку. Герман снова заключает ее в объятия. Она отвечает на его поцелуй, затем резко его отталкивает.

КРИСТИНА. Герман, уходи. Сию секунду.

ГЕРМАН. Мои уши слышат тебя, но не губы. *(Снова обнимает ее.)*

КРИСТИНА. Герман, мы не имеем права!

ГЕРМАН. Мы взрослые люди. Знаешь, сколько нам вместе? Сто двадцать шесть лет.

(Целует ее лицо и шею.)

КРИСТИНА. Я бабушка! Я католичка! Это наше первое свидание!

ГЕРМАН. Кристина, пойдём в спальню.

КРИСТИНА. В конце концов, мне некогда! Мне надо сложить чемодан, и косметичку, и чемодан... ну, хорошо! Я согласна! *(Он выпускает ее и устремляется в спальню.*

Она от растерянности вскрикивает.) Герман!

ГЕРМАН *(остановился)*. Что?

КРИСТИНА. А я?

Он хватает ее за руку, и они вместе убегают в спальню.

АКТ ВТОРОЙ

Утро следующего дня. Входная дверь распахнута настежь. Коробок уже нет. В гостиной только мебель и голые стеллажи. Из спальни Ральф и Чак выносят большой пружинный матрас и прислоняют его к стене возле входной двери.

ЧАК. Какой у нас план? Гоним на всю железку или останавливаемся на перекусы и ночлег?

РАЛЬФ. Посмотрим, как пойдет.

ЧАК. Если гнать на всю железку, успеем позагорать денек перед обратной дорогой. Как ты насчет позагорать?

РАЛЬФ. Я больше люблю купаться.

Из кухни выходит Кристина, одетая по-дорожному.

КРИСТИНА. Я поставила кофе.

ЧАК. Перекур!

РАЛЬФ. Не торопись. Будет кофе, будет перекур. А пока сходи за спинкой. *(Чак уходит в спальню.)* Миссис Мильман, с вами все в порядке?

КРИСТИНА. Да, а что?

РАЛЬФ. У вас такой вид... то ли устали, то ли нервничаете.

КРИСТИНА. Я нервничаю из-за переезда и немного устала... вчерашний ужин сильно затянулся.

Возвращается Чак с кроватной спинкой, которую он прислоняет к матрасу.

РАЛЬФ. Все нервничают. Особенно кто на одном месте долго жил. Считайте, вашу жизнь по частям выносят, и у каждого предмета своя история.

Рабочие уходят в спальню. Зуммер домофона. Кристина общается с консьержем по переговорному устройству.

КРИСТИНА. Да? Какой еще посыльный? А за меня расписаться вы не можете? Ну хорошо, пусть поднимется. *(Присела на диван.)*

Рабочие выносят вторую боковину и ставят ее в прихожей рядом с матрасом.

РАЛЬФ. Кстати, об историях. Однажды выношу матрас, а хозяйка мне вслед: «Если бы эта кровать умела говорить!»

ЧАК. А ты ей: «Самое время кофейку попить».

РАЛЬФ. Нет. Я ей на это: «Сначала рама, потом кофеек».

Рабочие скрываются в спальне. На пороге Герман в уже знакомом нам пальто, кашне, шляпе и перчатках, с подарочной коробкой за спиной. Постучал, чтобы привлечь внимание. Кристина, вздрогнув, оборачивается.

ГЕРМАН (*весело*). Доброе утро! Доставка на дом. Пришлось соврать консержу – вдруг ты предупредила, чтобы меня не пускали?

КРИСТИНА. Вот уж не думала, что кто-то захочет нанести мне визит, когда тут такой разгром. У меня голова идет кругом.

ГЕРМАН (*проходит в гостиную*). Непохоже. У тебя был такой задумчивый вид, словно ты спрашивала себя: «Зачем я все это затеяла?»

КРИСТИНА. Просто устала. С утра на ногах.

ГЕРМАН. Если разобраться, я и есть посыльный. Вот, решил доставить самолично. (*Показывает нарядную коробку.*) Пять фунтов шоколадных конфет ассорти. Будешь есть на борту самолета, чтобы отвлечься от неприятных мыслей. (*Вручает тяжелую коробку, Кристина ставит ее на столик.*) Заодно все обсудим.

КРИСТИНА. Ты о чем?

ГЕРМАН. О том, что произошло этой ночью.

КРИСТИНА. Герман, как можно быть таким бестактным? Ты ставишь меня в неловкое положение... всего через несколько часов после того, как мы совершили ужасную ошибку.

ГЕРМАН. Даже если это ошибка, в чем я сильно сомневаюсь, об этом стоит поговорить – хотя бы для того, чтобы извлечь из нее урок.

КРИСТИНА. Я уже извлекла. Во время танцев не подпускать тебя на пушечный выстрел.

В дверях незаметно появились рабочие с массивной рамой.

ГЕРМАН. Ты хочешь сказать, что больше никогда не ляжешь со мной в постель?

РАЛЬФ. Миссис Мильман?

КРИСТИНА (*подскочила, как ужаленная, сразу поняв, что их застукали*). Пресвятая Дева Мария!

ГЕРМАН. Кто вы такие?

РАЛЬФ. Мы рабочие, а вы кто?

ГЕРМАН. Я Герман Льюис, близкий друг миссис Мильман.

Рабочие прислоняют раму к стене в прихожей.

КРИСТИНА (*идет за рабочими*). Ральф, Чак... то, что мистер Льюис сейчас сказал... это из анекдота.

ЧАК. Вы что-то не смеялись.

КРИСТИНА. Это не смешно.

РАЛЬФ. Чак, относим это в трейлер и делаем перекур.

ЧАК. Ну да, потом еще что-нибудь придумаешь. (*Уносят раму и матрас.*)

КРИСТИНА. Ты доволен?

ГЕРМАН. В каком смысле?

КРИСТИНА. Ты поставил меня в глупейшее положение перед посторонними людьми. (*Он снимает перчатку.*) Не раздевайся!

Возвращаются рабочие, берут обе боковины и снова уходят.

ГЕРМАН. Кристина, удели мне пять минут. Это все, о чем я тебя прошу.

КРИСТИНА. Герман, я к тебе очень хорошо отношусь. Я пришлю тебе из Флориды красивую открытку с подробным отчетом.

ГЕРМАН. Пять минут, не больше. (*Взял в руки коробку конфет.*) По одной минуте за каждый фунт.

Кристина, вздохнув, садится в кресло. Герман, стянув вторую перчатку, снимает шляпу, кашне, пальто и бросает все это на оттоманку. На нем отличный деловой костюм. Он садится на диван.

КРИСТИНА (*засекает время*). Девять сорок пять. Время пошло.

ГЕРМАН. Еще нет. Сначала я должен передать тебе привет.

КРИСТИНА. От кого?

ГЕРМАН. От моего сына. Мы говорили утром по телефону, и он просил передать привет «тете Кристине».

КРИСТИНА. Он тебе позвонил.

ГЕРМАН. Я ему. С утра пораньше, пока он не вышел на свой теннисный корт. Я забыл про разницу во времени. В Калифорнии было 5 часов.

КРИСТИНА. Я надеюсь, ты не сказал ему про вчерашнее.

ГЕРМАН. Этим его не увидишь. Я думаю, он оставляет двести долларов в ресторане каждый вечер.

КРИСТИНА. Ты прекрасно понял, о чем я спросила.

ГЕРМАН. Я никому не собираюсь ничего говорить. Даже своему бухгалтеру, а он может из меня вытянуть все.

КРИСТИНА (*взглянула на часы*). Девять сорок шесть. Аудиенция заканчивается в девять пятьдесят одну.

ГЕРМАН. Ближе к делу. У тебя было время на размышления. Итак, как ты оцениваешь наш сексуальный опыт?

КРИСТИНА. Ты ждешь от меня рассуждений на эту тему?

ГЕРМАН. Добавь десять секунд за риторический вопрос.

КРИСТИНА. Я могу говорить на чистоту или следует проявить дипломатичность?

ГЕРМАН. Кристина, ты знаешь меня больше тридцати лет. Я когда-нибудь отличался дипломатичностью?

КРИСТИНА. В самом деле. Я что-то не припомню.

ГЕРМАН. Тогда добавь еще десять секунд за бессмысленный вопрос.

КРИСТИНА. Хорошо. Если на чистоту... я была немного разочарована.

ГЕРМАН. То есть?

КРИСТИНА. После широковещательной кампании по поводу Большого Билла у меня были завышенные ожидания. Мне не терпелось познакомиться. Но вместо Большого Билла меня встретил его младший брат Тихоня Бен.

ГЕРМАН. Дальше.

КРИСТИНА. Мне казалось... то, что в народе называют «заняться любовью», навсегда ушло из моей жизни. Я сомневалась, что это можно вернуть, не предав при этом мужа, не возненавидев себя... и тебя.

ГЕРМАН. Ты сказала, что была «немного разочарована». Ты не сказала, что это вызвало у тебя приступ ненависти.

КРИСТИНА. Нет. Было приятно целоваться, чувствовать тепло... ты был нежен и внимателен... и все остальное, хотя я в этом не большой специалист, было... мило.

ГЕРМАН. Спасибо.

КРИСТИНА. Но не более того. Не превосходно, не бесподобно, не умопомрачительно, не...

ГЕРМАН (*перебивает*). Я понял. Не надо лишних слов. Просто скажи, как ты это оцениваешь по десятибалльной шкале.

КРИСТИНА (*подумала*). Четыре балла.

ГЕРМАН (*шокирован*). Четыре балла?

КРИСТИНА. Может, пять. В любом случае, до настоящего блаженства далеко, и если ты думаешь, что это может перевесить Флориду, ты ошибаешься.

ГЕРМАН. Я бы поставил девять баллов.

КРИСТИНА. Девять баллов? Ты серьезно?

ГЕРМАН. Я попробовал быть дипломатичным. Если серьезно, то восемь. Семь. Шесть. Пять.

КРИСТИНА. Другое дело. Ты ведь не станешь отрицать, что был смущен, озабочен, скован, зажат...

ГЕРМАН *(перебивает)*. Ты опять?

КРИСТИНА. Что «опять»?

ГЕРМАН. Пытаешься одну простую мысль выразить девятнадцатью словами.

КРИСТИНА. Извини. Добавим еще десять секунд.

ГЕРМАН. У меня тоже было время на размышления. *(В дверях появились рабочие.)*

По-моему, дело не в том, что мы оказались в одной постели, а в том, чья это постель.

РАЛЬФ. Миссис Мильман?

КРИСТИНА *(вскочив с дивана, раздражается нервным смехом)*. Вот это смешно!

ГЕРМАН *(тоже встает, рабочим)*. В следующий раз, когда вы нагрнете, не забудьте постучаться.

РАЛЬФ. Мы не нагрнули. У нас работа.

ГЕРМАН. Постучите, с вас не убудет.

РАЛЬФ. Миссис Мильман, когда можно выносить мебель из гостиной?

КРИСТИНА. Как только уйдет мистер Льюис. *(Посмотрела на часы.)* В девять пятьдесят четыре. Я налью вам кофе. *(Окатила Германа ледяным взглядом, направляется в кухню.)*

ГЕРМАН *(ей вслед)*. Мне тоже, если можно. *(Кристина ушла. Герман подходит к рабочим. Обращаясь к Чаку.)* Ральф. *(Обращаясь к Ральфу.)* Чак.

РАЛЬФ. Ральф – я. А это – Чак.

ГЕРМАН. Извиняюсь. Я могу задать вам вопрос?

РАЛЬФ. Валяйте.

ГЕРМАН. Как вы насчет того, чтобы заработать по двести баксов на душу?

ЧАК. А что нам надо сделать?

ГЕРМАН. Все бросить. Садитесь в свой трейлер и уезжайте.

РАЛЬФ. Я не думаю, что это понравится нашей клиентке.

ГЕРМАН. Понравится. Она совсем не рвется во Флориду, просто она убедила себя в том, что назад хода нет.

РАЛЬФ. Ну, почему. Пусть только скажет. Не вы. Она.

ГЕРМАН. Она даже себе не может в этом признаться. К тому же, если она вас об этом попросит, вы потеряете премиальные.

РАЛЬФ. А что мы скажем диспетчеру?

ГЕРМАН. Ничего. Пусть пришлет мне счет, я все оплачу.

РАЛЬФ. Это невозможно.

ГЕРМАН. Почему?

РАЛЬФ. Во-первых, это неэтично. Во-вторых, мы не можем рисковать своим местом.

ЧАК. Да уж. Из-за двухсот баксов.

Кристина несет три кофе в бумажных стаканчиках, два пончика и бумажные салфетки, используя разделочную доску вместо подноса.

РАЛЬФ (Чаку). Что смотришь, помоги.

Чак забирает у Кристины «поднос» и ставит на столик.

ГЕРМАН (Ральфу). Если бы во главе “Вашего дома” стоял я, я бы не позволил вам командовать своим напарником.

РАЛЬФ. Если бы моим начальником были вы, я бы ушел к Бекинсу.

Герман садится на диван. Рядом плюхается Чак.

КРИСТИНА (раздает кофе). Чак... Ральф... Герман... Я нашла у себя два пончика.

ГЕРМАН. Простые?

КРИСТИНА. С глазурью, но тебе ничего не достанется. (Подает один, на салфетке, Чаку.)

РАЛЬФ. Мне не надо. Я плотно позавтракал.

ГЕРМАН. А я не успел.

КРИСТИНА. Чак, может, вы хотите два?

РАЛЬФ. Он хочет, чтобы второй съели вы.

ГЕРМАН. Вместо завтрака я рыскал по городу в поисках шикарных конфет. *(Кристина отдает ему пончик, он тут же вонзает в него зубы.)*

РАЛЬФ *(Герману)*. Могли бы и поделиться.

КРИСТИНА. Слишком много калорий. Вот если бы добавить шоколада...

ЧАК *(оценил шутку)*. Это вы хорошо завернули, миссис Максвелл.

РАЛЬФ *(поправляет)*. Мильман. Миссис Мильман. *(Кристине.)* Не возражаете, если мы там перекусим?

Рабочие уходят на кухню. Кристина садится на диван.

ГЕРМАН. Я надеюсь, ты учтешь все эти бесконечные помехи.

КРИСТИНА. Бог с ним со временем. Просто давай поскорей закончим этот разговор. Я устала. И у меня еще много дел.

ГЕРМАН *(не спеша пьет кофе)*. Так на чем мы остановились? «Дело не в том, что мы оказались в одной постели, а в том, **ЧЬЯ** это постель».

КРИСТИНА. Сказать тебе, в какой постели я желала бы оказаться?

ГЕРМАН. Да?

КРИСТИНА. Там. *(Показывает вверх.)* Если, конечно, Он меня пустит.

ГЕРМАН. Пусть только попробует не пустить. Мириам Ему плешь проест. *(Пауза.)* Постель твоего покойного мужа и моего покойного друга – это стратегическая ошибка. Еще бы не быть скованным. У меня все время было такое чувство, словно Айзек стоит у меня за спиной.

КРИСТИНА. Если бы Айзек увидел, чем мы занимаемся, он бы снова умер от инфаркта.

ГЕРМАН. Я его, конечно, не видел, но его дух незримо присутствовал в комнате.

КРИСТИНА. Мириам тоже?

ГЕРМАН. Нет. Ее дух был в это время на концерте. *(Ест.)* Хороший пончик. Где ты их покупаешь?

КРИСТИНА. В нашей кондитерской.

ГЕРМАН. С учетом вышесказанного... я предлагаю попробовать еще раз. На нейтральной территории. В отеле. Во время нашего медового месяца. *(Пауза. Показывает на шоколадную коробку.)* Ты не прочла открытку. Она внутри.

Кристина разворачивает оберточную бумагу, но прочесть открытку без очков не может. Герман дает ей свои. Появляются рабочие.

КРИСТИНА *(читает вслух)*. «Без шоколада жизнь несладка. Не уезжай, моя помадка».

РАЛЬФ. Миссис Мильман...

КРИСТИНА *(выкручиваясь на ходу)*. Вот, еще и на открытках пишет! А с виду и не скажешь, что шутник.

ГЕРМАН. Что ты перед ним оправдываешься? Сказали же им: стучитесь!

РАЛЬФ. Миссис Мильман, из гостиной можно выносить?

КРИСТИНА. Можно.

РАЛЬФ *(Чаку)*. Где коробка для фотографий?

ЧАК. Я думал, ты ее захватил.

ГЕРМАН *(злорадствуя)*. Ага! Полный бардак!

РАЛЬФ. Сходи за ней.

Чак уходит. Кристина перекладывает на диван коробку с конфетами. Ральф кладет Герману на колени разделочную доску и уносит столик. Герман убирает доску на пол. Кристина пробует конфету.

ГЕРМАН. Ну как?

КРИСТИНА. Вполне. *(Отправляет в рот вторую.)*

ГЕРМАН *(допив кофе, вытер рот салфеткой, сунул в стаканчик, поставил на пол)*.

В данном случае пять баллов – это не тот результат, которого надо стыдиться. Со временем мы выйдем на самый высокий уровень. Нужна практика.

Словно в подтверждение его слов, Кристина взяла очередную конфету, но усиленным воли положила ее обратно. Решительно закрыв коробку, встает и направляется к бару.

КРИСТИНА (*кладет коробку на стойку*). Тебе не кажется, что в нашем возрасте так много говорить о сексе неприлично?

ГЕРМАН. Не кажется. И возраст тут ни при чем. Секс – это насущная потребность.

КРИСТИНА. А я думала, что хлеб.

ГЕРМАН. Если умираешь с голоду. Или работаешь в пекарне.

КРИСТИНА (*снова садится*). Сколько лет было твоим партнершам?

ГЕРМАН. По-разному.

КРИСТИНА. Меня интересует возрастной диапазон. От двадцати до девяноста? От тридцати до восьмидесяти? От сорока до шестидесяти?

ГЕРМАН. Какое это имеет значение? Их было не так уж много.

КРИСТИНА. Не скромничай. Вчера кто-то говорил, что он еще иго-го.

ГЕРМАН. Я преувеличил.

КРИСТИНА. Зачем?

ГЕРМАН. Хотелось выглядеть привлекательным в твоих глазах. Как ты выглядишь в моих.

КРИСТИНА (*с пониманием кивает*). Скажи мне правду. За три года, что ты вдовец, сколько у тебя было женщин? Можешь округлить до сотни.

ГЕРМАН. Две.

КРИСТИНА. Две сотни?

ГЕРМАН. Две женщины.

КРИСТИНА. Включая меня?

ГЕРМАН. Да.

КРИСТИНА. Ты прав, не так уж много. (*Пауза.*) Твой роман еще продолжается?

ГЕРМАН. Романа не было. Так, один раз. Это был ее подарок мне на день рождения.

КРИСТИНА. И как ты его оцениваешь по десятибалльной системе?

ГЕРМАН (*подумав*). Восемь баллов.

КРИСТИНА. Против моих пяти. Она моложе, да? Красивее?

ГЕРМАН. Моложе. Но ты красивее. Даже нельзя сравнивать.

КРИСТИНА. Тогда почему она набрала больше баллов?

ГЕРМАН. Тут был психологический нюанс. Это сестра моего бухгалтера. Она имела от меня то, что я имею от ее брата.

Возвращаются рабочие с коробкой для фотографий. Ральф предусмотрительно постучал.

Спасибо, хотя сейчас это было излишним.

КРИСТИНА (*подняла с пола разделочную доску, Герману*). Я вернусь, и мы простимся. (*Уходит на кухню.*)

Рабочие снимают со стен фотографии, заворачивают их в специальный упаковочный материал и укладывают в коробку.

ГЕРМАН. Ральф, Чак... четыре.

ЧАК. Что «четыре»?

ГЕРМАН. Я повышаю гонорар. Если вы все бросаете, я плачу каждому по четыре сотни.

ЧАК. Наличными?

РАЛЬФ. Зря стараетесь. Нам это совершенно неинтересно.

ГЕРМАН. Ему интересно.

Возвращается Кристина.

РАЛЬФ. Миссис Мильман, фотографии едут во Флориду?

КРИСТИНА. Нет, я сдаю их на хранение. Кроме этого. (*Показывает на абстрактную картину над камином.*)

РАЛЬФ. Необычная картина.

КРИСТИНА. Ее написала моя дочь.

ЧАК. Сколько ей было?

КРИСТИНА. Тридцать два, а что?

ЧАК. Я думал, три. *(Не замечает свирепых взглядов мужчин.)* Знаете, как они пальцем малюют.

РАЛЬФ *(снимая картину)*. Это, чтоб ты знал, называется «современное искусство».

ЧАК. Да? Извините, миссис Миллер.

КРИСТИНА. Уже теплее.

Рабочие уходят.

Интересно, что тебя подвигло позвонить Стивену?

GERMAN. Ты. Я ему сказал про съезд ковровщиков.

КРИСТИНА. И?

GERMAN. Его не будет в Лос-Анджелесе. В августе он везет детей на Гавайи.

КРИСТИНА. Июль тоже хороший месяц.

GERMAN. Если бы можно было перенести заказ.

КРИСТИНА. О чем ты говоришь. Сейчас только февраль. Ты ему по крайней мере предложил?

GERMAN. Нет.

КРИСТИНА. Почему?

GERMAN. Я ждал, что он сам предложит.

КРИСТИНА. Наверно, его не отпускают с работы.

GERMAN. Разве он не мог сказать: «Отец, ради такого случая мы сократим наш отдых на неделю»? Или: «После съезда приезжай к нам на Гавайи»?

КРИСТИНА. Мог. Должен был.

GERMAN *(встает, подходит к окну)*. Зачем себя обманывать? Между нами нет и не может быть близких отношений.

КРИСТИНА. Грустно слышать. Когда-то вы прекрасно ладили, разве не так?

ГЕРМАН. Он меня перерос. Теперь я узнаю от него... где делают стрижку за двести баксов... какие вина нынче в моде... о чем надо говорить с голливудскими звездами. А кто я? Торговец коврами.

КРИСТИНА. Ты хочешь сказать, что Стивен тебя стыдится?

ГЕРМАН. Не думаю. Он любит меня, по-своему, но его мечты, его надежды – для меня тайна за семью печатями. Мне неизвестны его сокровенные мысли. Его заветные планы. Я даже толком не знаю, почему он развелся оба раза. Мы не самые плохие отец и сын. Но мы не друзья, понимаешь? *(Садится в кресло.)*

КРИСТИНА. С Мириам он был ближе?

ГЕРМАН. Да. Пока... *(Замолчал.)*

КРИСТИНА. Пока?

ГЕРМАН. Не хочу об этом.

КРИСТИНА. Готова побиться об заклад, что знаю, о чем идет речь.

ГЕРМАН. Пока она не заболела раком. За два года он навестил ее три раза, по одному дню. Мириам никогда не говорила, как она от этого страдала, но думаю, что другие страдания меркли рядом с этим. *(Пауза.)* Ты выиграла заклад?

КРИСТИНА. К сожалению.

ГЕРМАН. Когда я попросил его, чтобы он прилетал почаще и оставался подольше, он ответил, что не может. Не может смотреть, как она умирает. И это хирург, который постоянно видит смерть! Но смерть смертью, а теннис теннисом.

КРИСТИНА *(опускается перед ним на колени, берет его за руку)*. Ты слишком строг к нему. Профессия тут ни при чем. Не каждый может справиться с уходом близкого человека.

ГЕРМАН. Я смог. Ты смогла. И твои дочери.

КРИСТИНА. Нам было легче – Айзек ушел быстро. Нам не пришлось видеть его страданий. Боюсь, что Джоан и Барбара повели бы себя так же, как твой Стивен.

ГЕРМАН. А ты?

КРИСТИНА. Не знаю. Я рада, что Бог не подверг меня такому испытанию.

ГЕРМАН. Ты бы его прошла. Ты бы сделала все, что было в твоих силах. Ты выстояла во время болезни Мириам. И я, рядом с тобой. До конца дней я не смогу отблагодарить тебя за это.

КРИСТИНА. Ты мне помог не меньше. После ухода Айзека твое плечо было для меня, как мыс Гибралтар.

ГЕРМАН *(после паузы)*. Кристина, если ты еще не выбросила Diet Pepsi, я могу тебя попросить об одолжении?

КРИСТИНА. Разве я могу тебе отказать? *(Достает из холодильника бутылку, открывает, дает Герману.)*

Возвращаются рабочие.

Подожди, я тебе принесу симпатичный бумажный стаканчик.

РАЛЬФ *(показывает Чаку на бюро)*. Вынесем это к лифту.

КРИСТИНА *(остановилась на полдороге)*. Упс! Секундочку! *(Идет к бюро.)* Еще немного, и вы бы унесли мой авиабилет. *(Достает из выдвижного ящика конверт и перекладывает его на книжную полку.)*

ГЕРМАН. Ты бы ничего не потеряла. По прогнозу опять ужасная метель.

РАЛЬФ. Ничего подобного.

ГЕРМАН. Интересно, кому лучше знать?

Кристина уходит на кухню. Рабочие выносят бюро. Герман ставит бутылку на пол, подбегает к полке, хватается за конверт, прячет его во внутренний карман, снова садится. Возвращаются рабочие.

РАЛЬФ *(Герману)*. Вы не встанете? Мы должны вынести кресло.

ГЕРМАН *(встает)*. Шесть сотен. Каждому.

ЧАК. Ральф.

РАЛЬФ. Что?

ЧАК. Это большие деньги.

РАЛЬФ. Мне казалось, ты рвешься во Флориду.

ЧАК. За эти деньги я могу и слетать.

РАЛЬФ (*Герману*). Почему вам так надо, чтобы наша клиентка осталась в Нью-Йорке?

GERMAN. Я опасаюсь за ее здоровье. Во Флориде очень влажно, а у нее гайморит.

Возвращается Кристина с бумажным стаканчиком.

КРИСТИНА. Ни одного чистого стакана. Пришлось сполоснуть.

РАЛЬФ. Миссис Мильман, как вы себя чувствуете?

КРИСТИНА. Нормально, а что?

РАЛЬФ. Гайморит вас не беспокоит?

КРИСТИНА. Вот чего у меня никогда не было, так это гайморита.

РАЛЬФ (*пристально посмотрев на Германа, Чаку*). Ну что, кресло?

Рабочие уносят кресло. Герман садится на диван, берет бутылку.

КРИСТИНА (*подходит*). Ну, как твое «пепси»? «Подышало»?

GERMAN. «Подышало».

КРИСТИНА. Завидую. (*Дает ему стаканчик, он наливает воду, пьет.*) Герман, я понимаю, что тебя это не утешит, но мои дети меня тоже огорчают.

GERMAN. Мне казалось, они такие внимательные.

КРИСТИНА. Это правда. Они звонят мне каждый день, зовут отдыхать, приезжают на все большие праздники, а раз в неделю мы встречаемся за ланчем.

GERMAN. Пока не вижу поводов для огорчений.

КРИСТИНА. Это давно превратилось в ритуал. Они зовут меня отдохнуть с ними, я вежливо отказываюсь, чтобы им не мешать, и на этом все заканчивается. Меня никто не уговаривает. Я чувствую, если бы они не были уверены, что я откажусь, они бы меня не приглашали.

GERMAN. Могла бы сказать им это за ланчем.

КРИСТИНА. Не могу, во всяком случае «им». За ланчем я вижу только одну из них. Каждый раз другую. У них, я чувствую, такая ротация – эту неделю я, следующую ты. Они по очереди «отбывают номер» со стареющей дамой.

ГЕРМАН (*сделав глоток*). Ты часто говоришь «я чувствую». Чувства – это одно, а факты – совсем другое. Поговори с ними, и на душе сразу станет легче.

КРИСТИНА. Ты прав, но я боюсь.

ГЕРМАН. Чего?

КРИСТИНА. Что они перестанут «отбывать номер».

ГЕРМАН (*допив, ставит стаканчик на пол*). Мой совет: ничего не бойся.

КРИСТИНА. Совет хорош, но им трудно воспользоваться.

ГЕРМАН. А ты попробуй. Не сдавайся. Не беги от жизни к такой же одинокой вдове, от которой, гарантирую, через полгода ты на стенку полезешь.

КРИСТИНА. Герман, ты не понимаешь. (*Ставит на камин пустую бутылку и стакан.*) Ты не вдова, ты вдовец, а это не одно и то же. На вечеринке свободный мужчина, любой мужчина, – это беспроектная облигация. Свободная женщина, любая женщина, – это нищенка с протянутой рукой. Ты уходишь с вечеринки, когда тебе заблагорассудится. Я же сначала должна убедить хозяина, что меня не надо провожать, а потом, если нет такси или автобуса, я побреду домой одна, вздрагивая от каждого шороха и чувствуя себя еще более одинокой.

ГЕРМАН. Меня не так часто зовут на вечеринки.

КРИСТИНА. Позовут, если захочешь.

ГЕРМАН. Не уверен. Не многие способны долго меня выносить. Что, не так? (*Кристина, сев на диван, покачивает ладонью, как самолет крыльями: и да, и нет.*) Мириам часто говорила: «У тебя вздорный характер. Скромность украшает человека». Если это был совет, то я им не воспользовался. (*Пауза.*) Иногда моя жена была мудрее, чем я думал.

КРИСТИНА. Почему «иногда»? Почему эти редкие комплименты надо непременно разбавлять водой?

ГЕРМАН. Беру свои слова назад. **Часто** моя жена была мудрее, чем я думал.

КРИСТИНА. А сказать «чаще всего» или «всегда» тебе трудно?

ГЕРМАН. Кристина, существует тонкая грань между желанием «разбавлять водой» и «топить в сладкой патоке».

КРИСТИНА. У нас с тобой разные критерии. Мириам была моей лучшей подругой. Я слишком дорожу ее памятью.

ГЕРМАН. Вот именно, «слишком». Айзек был моим лучшим другом, но это не значит, что я не видел его недостатков.

КРИСТИНА. Я тоже видела.

ГЕРМАН. Например, он был упрям, как бык.

КРИСТИНА. Айзек был упрям, как бык? Это когда же?

ГЕРМАН. В бизнесе. Если он решил, такая-то сделка, всё, с места его уже не сдвинешь.

КРИСТИНА. Умение жестко торговаться – что в этом плохого?

ГЕРМАН. Ничего. Но если за шубу, которая стоила тебе три тысячи и которую ты хочешь продать за двенадцать, тебе предлагают одиннадцать пятьсот, а ты говоришь «нет», в деловых кругах тебя назовут негибким.

КРИСТИНА (*взглянула на часы*). Не опоздать бы мне на ланч. Большой сбор. Они обещают напоить меня так, что я сама сяду за штурвал самолета.

ГЕРМАН. Зато **дома**, и это второй его недостаток, Айзек был соглашателем. Он ни в чем не перечил, держа свои чувства при себе.

КРИСТИНА. Иными словами, он был сдержанным человеком.

ГЕРМАН. Совершенно верно.

КРИСТИНА. Тогда почему вчера, в этой комнате, ты говорил, что его главным качеством была теплота?

ГЕРМАН. Все правильно. И он замечательно ею пользовался, лишь бы тебя не огорчить. «Да, дорогая. Как скажешь, дорогая».

КРИСТИНА *(резко встает)*. Извини. *(Подходит к бару, берет сразу две конфеты.)*

ГЕРМАН. Неужели правда так горька, что ее надо подсластить?

КРИСТИНА. Герман, по-моему, тебе пора. Неуважение к памяти друга – не самое привлекательное качество.

ГЕРМАН. Правда колет глаза.

КРИСТИНА *(лицом к лицу, гневно)*. Правда? Какая правда? Правда в том, что я его любила и до сих пор люблю, и ты не смеешь оскорблять человека, который в десять, в сто раз лучше тебя!

ГЕРМАН. Лучше, не спорю.

КРИСТИНА. Ты наконец уйдешь? Уходи, я тебя очень, очень прошу.

ГЕРМАН. Сейчас я уйду. *(Он встает, подходит к ней. Теперь он дает волю своему гневу.)* Ты обвиняешь **меня** в неуважении к его памяти? Да я, черт возьми, любил Айзека не меньше твоего! И кто дал тебе право выговаривать мне за Мириам! Я любил ее, когда тебя еще близко не было. Тридцать восемь лет мы прожили вместе, и не было дня, чтобы я не говорил себе, как мне повезло, что она меня любит, что она меня терпит, что она меня вдохновляет, да, потому что я так в себя не верил, как верила в меня она! *(Оба молчат. Гнев из них вышел, как перегретый пар.)* Прости.

КРИСТИНА. Ты тоже.

ГЕРМАН. Я не должен был наступать на больную мозоль.

КРИСТИНА. Ты не виноват в том, что мозоль осталась. *(Садится.)* Ты прав, в делах он был негибким, а дома соглашателем. Он все принимал, что бы я ни сказала. Быть всегда непогрешимой – тяжелое бремя. Моему мужу нравилось быть мучеником, жертвовать собой ради меня, не позволяя мне при этом ответить ему тем же. По большому счету... мои интересы значили для него меньше, чем его собственные... его великодушие было обратной стороной его эгоизма. *(Пауза.)* Ты меня понимаешь?

ГЕРМАН. Не совсем. Ты не повторишь еще раз?

КРИСТИНА. Не могу. Один-то раз не знаю, как получилось.

ГЕРМАН (*садится рядом*). Знаешь, чего мне хочется?

КРИСТИНА. У меня в холодильнике ничего не осталось.

ГЕРМАН. Не сейчас. Вечером, когда я останусь один в пустой квартире.

КРИСТИНА. Ну?

ГЕРМАН. Поговорить с женой. Тридцать секунд, не больше.

КРИСТИНА. И что бы ты ей сказал?

ГЕРМАН. Я бы ее спросил, куда она положила мою ручку с вечным пером. Третий год найти не могу.

КРИСТИНА. Я бы спросила мужа, что он думает по поводу моего переезда к Беверли Зигель.

ГЕРМАН. Но, прежде всего, я бы спросил: «Ты была со мной счастлива? Я оправдал твои ожидания?»

КРИСТИНА (*трогает его лицо*). Да. Она бы сказала «да», можешь не сомневаться.

ГЕРМАН. А что бы ты, прежде всего, сказала Айзеку?

КРИСТИНА. Что я его прощаю.

ГЕРМАН. За что?

КРИСТИНА. Он так быстро ушел. Мы даже не простились. Я не успела ему сказать, как я люблю его.

ГЕРМАН (*трогает ее лицо*). Он это знал, можешь мне поверить.

Возвращается Ральф.

РАЛЬФ. Миссис Мильман, вы не проверите, все ли мы унесли из спален?

Кристина уходит.

ГЕРМАН. А где Чак?

РАЛЬФ. Трудится. Он передает вам нежнейший привет. (*Ральф берет с оттоманки пальто, аккуратно его складывает, сверху кладет кашне, шляпу, перчатки, подбрасывает в воздух, и все вещи Германа оказываются на полу.*)

ГЕРМАН. Ральф, считайте, что я этого не видел. Больше того, я предлагаю (*растопырил восемь пальцев*) восемьсот баксов вам и столько же вашему напарнику. Это мое последнее слово. Что скажете?

РАЛЬФ. Скажу от себя и от своего напарника... (*Показывает вытянутый средний палец, эквивалент нашему «пошел ты знаешь куда».*)

ГЕРМАН. Имейте в виду, тыщу я вам не предложу.

РАЛЬФ. В таком случае помогите мне скатать ковер.

Они скатывают ковер, обнаруживая себя профессионалами дела.

ГЕРМАН. Обратите внимание, товар высшего качества. Я продал ей этот ковер без наценки, по себестоимости. Ковры – моя профессия, вот почему я скатываю его не хуже вас.

РАЛЬФ. Теперь посмотрим, как вы его понесете.

Они поднимают тяжелый рулон и несут его в прихожую – Ральф с легкостью, Герман отдуваясь. Они прислоняют его к стене возле двери. Возвращается Кристина.

КРИСТИНА. Чисто. Остался только мой багаж.

РАЛЬФ. Вот, собственно, и всё. (*Поднимает оттоманку, идет с ней к выходу.*) Если скажете, мы можем погрузить и мистера Льюиса. (*Уходит.*)

Герман и Кристина стоят посреди разоренной комнаты.

КРИСТИНА. Вдруг стало так пусто. Еще недавно это был «дом», а сейчас просто... коробка. (*Герман подбирает с пола одежду, начинает одеваться.*) Слушай, почему бы тебе с нами не пообедать? Пол и Барбара, я уверена, будут тебе рады.

ГЕРМАН. Не могу. Работа. Спасибо тебе за «пепси», кофе и пончик.

КРИСТИНА. А тебе за конфеты и чудный стишок.

ГЕРМАН. А главное, за эти (*сверился с часами*) восемнадцать часов.

КРИСТИНА. Прекрасные часы. Странные, но прекрасные.

ГЕРМАН. Кстати. То, что ты вчера сказала, сущая правда.

КРИСТИНА. А что я вчера сказала?

ГЕРМАН. Что в какой-то момент я от тебя отделился. Это, конечно, не оправдание, но... я знал, что могу сесть в такси и через пятнадцать минут тебя увидеть. Я чувствовал, что мы... *(Она ловит его на «своем» словечке. Он берет ее за руку.)* ...что мы связаны.

Возвращаются рабочие.

РАЛЬФ. Миссис Мильман, мы погрузим диван, проверим, хорошо ли все увязано, и вернемся за ковром, а вы подпишете наряд.

КРИСТИНА. Мальчики, вы такие молодцы. Все сделали на отлично.

РАЛЬФ. Спасибо. Вы замечательная женщина. *(Пауза.)* Поэтому я хочу, чтоб вы знали: мистер Льюис предлагал нам взятку, восемьсот долларов каждому, чтобы мы бросили работу.

ЧАК *(ошарашен)*. Восемьсот? Восемь сотен?

РАЛЬФ. Ты сказал «нет». Твое доброе имя не продается.

Они поднимают диван и несут его к выходу.

ЧАК. Когда я это говорил?

РАЛЬФ. В трейлере. Ты сказал это так тихо, что, наверно, сам не расслышал. *(Уходят.)*

КРИСТИНА. Зачем? Разве мне не прислали бы других рабочих?

ГЕРМАН. В понедельник. Хотя бы на два дня оттянуть неизбежное. *(Целует ее в щеку.)* Береги себя.

КРИСТИНА. Ты тоже.

ГЕРМАН *(идет к выходу, из прихожей)*. Хочу тебя обрадовать. На самом деле синоптики обещают сухую, ясную погоду. *(Уходит.)*

Подождав, не вернется ли, Кристина берет с каминной полки бутылку со стаканчиком и уходит на кухню. В открытом проеме появляется Герман. Не увидев хозяйки, подергал за дверной колокольчик. Из кухни выходит Кристина.

Я кое-что забыл. *(Достает из внутреннего кармана конверт.)* Случайно украл твой авиабилет. *(Отдает ей конверт.)*

КРИСТИНА *(кладет его на книжную полку)*. Разве это могло что-то изменить? Мне бы выписали другой билет. В крайнем случае, купила бы новый.

ГЕРМАН. Причем тут логика? Я хватался за соломинку. Больше мне хвататься не за что. Похоже, ты уезжаешь во Флориду.

КРИСТИНА *(садится на ступеньки, ведущие в прихожую)*. Посиди со мной, пока их нет. *(Он садится рядом.)* Если когда-нибудь ты окажешься в Майами, я приглашу тебя в ресторан. Я думаю, у них там есть свой “Смысл жизни”.

ГЕРМАН. Беверли ты тоже пригласишь?

КРИСТИНА. Нет. Но она наверняка попробует тебя охмурить.

ГЕРМАН. Уже. В прошлом году она прислала мне ханукальную открытку со своей фотокарточкой в купальном костюме.

КРИСТИНА. Ну? Я же говорила, что ты беспроигрышная облигация.

ГЕРМАН. Мое сердце отдано другой, но оно оказалось не востребовано. *(Залезает во внутренний карман.)* Поэтому вот твой билет. Там *(махнул рукой в сторону книжной полки)* пустой конверт. *(Отдает ей билет.)*

КРИСТИНА *(идет к книжным полкам, прячет билет в конверт)*. Герман, пообедай с нами. Ну, пожалуйста.

ГЕРМАН. Нет. Не хочу делить тебя с твоей семьей. Ты мне нужна со всеми потрохами.

КРИСТИНА *(снова садится на ступеньки)*. Так ты прилетишь в Майами, и мы пообедаем вдвоем?

ГЕРМАН. Да.

КРИСТИНА. Вот и хорошо. Скажем... через три недели?

ГЕРМАН. Я посмотрю в офисе свое рабочий график.

КРИСТИНА. Если ты полетишь **сегодня**, мне будет кого подержать за руку во время взлета и посадки.

ГЕРМАН. Твой рейс в 5.15, а в шесть я должен быть у парикмахера.

КРИСТИНА. Герман, тебе никто не говорил, что ты неисправимый романтик?

ГЕРМАН. Нет, ты первая.

КРИСТИНА *(после паузы)*. Ты считаешь это бегством?

ГЕРМАН. А ты?

КРИСТИНА. Не знаю. Может быть. Но если я бегу, то от чего?

ГЕРМАН. Я не рискую делать за тебя выводы.

КРИСТИНА. А ты рискни. Не будь размазней.

ГЕРМАН. Что поделаешь, таким уродился.

КРИСТИНА. Я бегу от клиентов с их претензиями на модный дизайн, от колючих нью-йоркских метелей, от этой бесконечной рутины. Я хочу все поменять – в себе и вокруг. Мне так кажется.

ГЕРМАН. Если тебе так кажется, значит, тебе так кажется.

КРИСТИНА. Или я себя обманываю? Может, все, что я меняю, это пейзаж за окном?

ГЕРМАН. Я могу тебе помочь. А ты мне.

КРИСТИНА. Это как?

ГЕРМАН. Мы можем дать друг другу то, чего нам так не хватает. Вопрос на засыпку: слово из шести букв.

КРИСТИНА. Слушай, а не назначить ли нам обед через **две** недели?

ГЕРМАН. Надо проверить, что там у меня в календаре. *(Поднимаются, сначала он, потом она.)* Знаешь, кто мы?

КРИСТИНА. Кто?

ГЕРМАН. Два старых краба с нежным панцирем. Мы живем с глазами на затылке, словно будущего нет и быть не может. Мы так до конца и не осознали: они умерли, твой

муж и моя жена. Кристина, если постоянно себе говорить, что, потеряв их, мы потеряли всё, то можно не заметить, что мы сами покойники. *(Идет к выходу.)*

КРИСТИНА. Герман, подожди. Могу я попросить тебя об одолжении?

ГЕРМАН *(поворачивается)*. Да?

КРИСТИНА. Женись на мне. *(Опускается на колени, протянув руки в мольбе.)* Дай мне то, чего мне так не хватает, а я постараюсь дать это тебе.

ГЕРМАН *(несколько секунд стоит, лишенный дара речи)*. Это так неожиданно. *(Опускается на колени, берет ее за руки.)* Почему ты передумала?

КРИСТИНА. Я не успела составить перечень, но попробую... Пункт первый. Каждый раз, когда за тобой закрывается дверь, я надеюсь, что ты вернешься. Пункт второй. Если ты с упорством сумасшедшего принимаешь стекляшку за брильянт, надо быть ненормальной, чтобы лишить тебя этого сокровища. *(Он встает с колен и помогает ей подняться, затем снимает пальто, шарф и бросает их на камин.)*

ГЕРМАН. Если уж тебе так хочется, мы можем перебраться во Флориду.

КРИСТИНА. А ты там приживешься?

ГЕРМАН. Вряд ли. Все мои дела здесь. И бухгалтеров на переправе не меняют.

Возвращаются рабочие. У Ральфа в руках планшетка с нарядом.

ЧАК. Все системы работают нормально. Объявляется пятиминутная готовность!

ГЕРМАН. Ты скажешь или мне сказать?

КРИСТИНА. Я скажу. Ральф...

РАЛЬФ *(подает ей планшетку и ручку)*. Миссис Мильман, вот здесь вы должны расписаться.

ГЕРМАН. Можно мне взглянуть? *(Ральфу.)* Я хочу убедиться, что "Ваш дом" не нанес ущерба нашему дому. *(Забрав планшетку, придирчиво изучает формулировки и цифры.)*

РАЛЬФ. Ну, вы даете!

КРИСТИНА. Ральф, Чак. Маленькая поправка. На хранение сдаем **всё**. Я не еду во Флориду.

ГЕРМАН (*передает ей планшетку*). Можешь подписать. Когда придет счет, я изучу его под микроскопом, но в такую минуту не хочется ссориться из-за пустяков.

ЧАК. В какую «такую»?

КРИСТИНА. Мы с мистером Льюисом решили пожениться.

РАЛЬФ (*не верит своим ушам*). Друг на друге?

ГЕРМАН. А что, есть варианты?

РАЛЬФ. У меня нет слов. (*Кристине.*) Но почему?

КРИСТИНА. Мы молоды. Мы влюблены. (*Расписывается и отдает ему наряд.*)

ЧАК. Спасибо тебе, Ральф. Море накрылось, восемьсот баксов уплыли.

РАЛЬФ. Не нуди. Лучше поздравь невесту.

ЧАК. Поздравляю, миссис Мильман.

РАЛЬФ. Могли бы, между прочим, обратить внимание на меня. Ладно, чего уж там. Примите мои поздравления и наилучшие пожелания. (*Целует ей руку. Оторвав второй экземпляр, приклеивает бумажку Герману на грудь.*) И вас туда же.

Рабочие подхватывают свернутый ковер и уходят.

ГЕРМАН (*вслед*). Ральф, я вас позову на ланч. Нам будет, о чем поговорить. (*Закрывает дверь, бумагу кладет на книжную полку.*) Ты хочешь отпраздновать шумно или скромно?

КРИСТИНА. Скромно. А ты?

ГЕРМАН. Я тоже. Может, прилетит Стивен с детьми.

КРИСТИНА. Мои, точно, приедут.

ГЕРМАН. После того как оправятся от обморока.

КРИСТИНА. Но сначала я позвоню Беверли. Скажу ей, что я... что я... Нет, пожалуйста, отправлю-ка я ей телеграмму.

ГЕРМАН. Я позвоню Беверли. Когда ты рядом, мне ничего не страшно. *(Берет ее за руки.)* Мы будем жить у меня?

КРИСТИНА. Я бы предпочла начать на новом месте...

ГЕРМАН. Ну, что ж.

КРИСТИНА. ...а пока поживу в гостинице.

ГЕРМАН. И я у тебя под боком. Или ты станешь дожидаться брачной ночи?

КРИСТИНА. Нет, я хочу встретить ее во всеоружии. Если честно... *(решилась на признание)* в первый раз я тоже не стала дожидаться брачной ночи.

ГЕРМАН. Я знаю. Айзек мне говорил. *(Поцелуй.)*

ЗАНАВЕС

Москва 127521
Старомарьинское шоссе, д.16, кв.58
Таск Сергей Эмильевич
Тел/факс: (095) 219-4462

e-mail: sergei_task@mtu-net.ru